

И. Р. Хамзин

КИТАЙСКОЕ УСМИРЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГГ. XIX В.

Аннотация: в течение 1875–1877 гг. реализуется военная кампания китайской армии под командованием Цзо Цзунтана в Синьцзяне с целью восстановить власть Пекина после дунганского восстания середины 1860-х гг. В это же время северо-западная часть Синьцзяна, конкретно Илийская долина и город Кульджа, с 1871 г. находились под контролем российской армии, а вопрос о возвращении этой территории Китаю был основным в диалоге двух стран рассматриваемого периода. Приход Цзо Цзунтана в Синьцзян обострил ситуацию в Кульджинском вопросе так как создавал риск решения проблемы военным путем. В статье рассматривается российская реакция, позиция и варианты выхода из ситуации на фоне китайской реконкисты в Синьцзяне. Основой для исследования стали материалы российского посланника в Китае Е. К. Бюцева. Проведен анализ предлагаемых вариантов отклика России на китайские военные мероприятия в Синьцзяне, позиций относительно кашгарского государства Йеттишар, успевшего стать фактором геополитической игры в Центральной Азии между Россией, Британией и Китаем. Проведен анализ записки Е. К. Бюцева 1878 г. о возможном решении Кульджинского вопроса в связи с фактом возвращения Китая в регион. Показаны две альтернативные точки зрения на указанную проблему, сопутствующая аргументация, точка зрения самого Е. К. Бюцова. Мнение о необходимости удержания Кульджи, как правило, отстаивало Военное ведомство России, основываясь на соображениях военно-стратегических выгод, общей политической и социальной устойчивости в регионе, сохранения престижа Российской империи в Центральной Азии. Посланник в Пекине отражал точку зрения Министерства иностранных дел России на необходимость возвращения занятого края, в качестве основного аргумента приводя риски для торгово-экономических отношений России с Китаем. Поскольку в 1881 г. Илийская долина была возвращена Китаю, можно говорить о том, что еще в 1878 г. были сформированы ключевые предпосылки данного решения вопроса.

Ключевые слова: Илийский кризис, Кульджа, Центральная Азия, Цзо Цзунтан, Синьцзян

Ildar R. Hamzin

CHINESE PACIFICATION OF XINJIANG AND RUSSIA'S POSITION IN THE SECOND HALF OF THE 1870S

Abstract. During 1875–1877 a military campaign of the Chinese army under the command of Zuo Zongtang was being implemented in Xinjiang with the goal of restoring Beijing's power after the Dungan uprising of the mid-1860s. At the same time, the northwestern part of Xinjiang, namely the Ili Valley and the city of Gulja, had been under the control of the Russian army since 1871, and the issue of returning this territory to China was the main one in the dialogue between the two countries during the period under review. The arrival of Zuo Zongtang in Xinjiang aggravated the situation in the “Kulja Question” as it created the risk of solving the problem by military means. The article examines the Russian reaction, position and options for exiting the situation against the backdrop of the Chinese reconquest in Xinjiang. The basis for the study was the materials of the Russian envoy to China E. K. Byutsev. An analysis of the proposed options for Russia's response to Chinese military measures in Xinjiang, positions regarding the Kashgar state of Yettishar, which has managed to become a factor in the geopolitical game in

Central Asia between Russia, Britain and China, has been carried out. An analysis was carried out of E. K. Byutsev's note of 1878 on a possible solution to the Kuldzha issue in connection with the fact of China's return to the region. Two alternative points of view on this problem, accompanying argumentation, and the point of view of E. K. Byutsov himself are shown. The opinion on the need to retain Gulja was usually defended by the Russian Military Department, based on considerations of military-strategic benefits, general political and social stability in the region, and preserving the prestige of the Russian Empire in Central Asia. The envoy in Beijing reflected the point of view of the Russian Ministry of Foreign Affairs on the need to return the occupied region, citing risks for trade and economic relations between Russia and China as the main argument. Since in 1881 the Ili Valley was returned back to China, we can say that back in 1878 the key prerequisites for this solution to the issue were formed.

Keywords: Ili crisis, Ghulja, Central Asia, Zuo Zongtang, Xinjiang

В 1864 г. в самой западной части империи Цин – наместничестве Синьцзян, вспыхнуло восстание местного мусульманского населения против власти Пекина. В течение нескольких лет власть маньчжуров была уничтожена, а на территории наместничества было создано несколько государств: Таранчийский султанат в Илийской долине (северо-запад), государство Йттишар в Кашгарии (юго-запад), Хотанский союз городов в пределах Таримского бассейна [Исиев; Kim; Millward, p. 116–117]. Появление независимого Синьцзяна резко изменило геополитический ландшафт Центральной Азии: Китай оказался фактически вытесненным из региона, Россия получила новый фактор риска для только что созданного русского Туркестана (1867), а Британская империя – новый инструмент для продвижения своих интересов в «Большой игре» [Дубровская, 2021]. Последнее обстоятельство в наибольшей степени касалось государства Йттишар, правитель которого, Якуб-бек, взял курс на лавирование в англо-русских амбициях в Центральной Азии, пытаясь найти защитника от Китая [Boulger, p. 212–220].

Все это вынудило Российскую империю ввести свои войска на территорию Синьцзяна. Весной 1871 г. Таранчийский султанат был ликвидирован, а город Кульджа и Илийская долина оказались подконтрольны российской армии [Зиборов]. Эта ситуация автоматически поставила вопрос о передаче занятой области Китаю, который объективно считался ее собственником. Период 1871–1881 гг. ряд исследователей обозначают как Илийский кризис в русско-китайских отношениях [Hsu; Маланов; Дубровская, 2021], хотя, пожалуй, правильнее было бы говорить о «Кульджинском вопросе» – длительном процессе русско-китайских переговоров о передаче Илийской долины, сопровождавшегося в отдельные годы милитаристским обострением [Гуревич; Севостьянова]. Одно из таковых наблюдалось в течение 1875–1878 гг., когда китайская армия Цзо Цзунтана организовала карательный поход в Синьцзян.

Настоящая статья ставит перед собой цель изучить реакцию, мнения и предлагаемые варианты действий, сформировавшиеся в российской элите, прежде всего в МИДе, на изменение ситуации в Синьцзяне в связи с походом Цзо Цзунтана. Данный аспект нельзя назвать неизвестным исторической науке, в том или ином виде к нему обращались Д. В. Дубровская, А. Д. Воскресенский, В. А. Моисеев, И. Сю, В. Бэйлс и другие ученые [Дубровская, 1998; Воскресенский, 1993, 1995; Моисеев; Hsu; Bales]. Однако привлечение новых материалов, в частности писем и записок

главы российского посольства в Китае Е. К. Бюцова из фондов ГАРФ и РГВИА помогает существенно расширить научное понимание Кульджинского вопроса. Бюцов был дипломатическим лицом, наблюдавшим ситуацию фактически «изнутри», его рассуждения о последствиях реконкисты в Синьцзяне, судьбе Кульджи и Илийской долины легли в основу будущей позиции России в русско-китайских переговорах 1879–1880 гг., соответственно представляются важными для понимания предыстории заключения Санкт-Петербургского договора 1881 г. [Воскресенский, 1995].

Исследование базируется на системно-историческом подходе, который актуален в данном случае как метод, позволяющий понимать многофакторность русско-китайских отношений в Центральной Азии в связи с проблемами политических и экономических отношений, исламского фактора, британских интересов, судьбы местного мирного населения. Нельзя не отметить также теорию фронта, весьма уместной для изучения пограничного столкновения интересов России и Китая в центральноазиатском регионе [Почекаев].

Карательная экспедиция маньчжурской армии против антикитайских движений в Западном Китае началась еще в 60-е гг. XIX в., но ее пик пришелся только на вторую половину 1870-х. К этому времени генерал Цзо Цзунтан окончательно подавил мятеж в провинциях Ганьсу и Шэнси и стал готовить поход на Синьцзян, начало которому было положено в апреле 1875 г. [Bales, p. 266–294; Моисеев, с. 149]. Уже в августе 1876 г. войска Цзо Цзунтана взяли Урумчи, а в ноябре того же года пала оборона Манаса. На очереди было кашгарское государство Йеттишар, куда должен был направиться удар китайских войск в самое ближайшее время [Bales, p. 294].

Происходящие события в Синьцзяне находились под пристальным вниманием Санкт-Петербурга, так как реставрация власти Китая напрямую сказывалась на ходе переговоров о возвращении Кульджи [Воскресенский, 1993]. Стоит отметить, что во второй половине 70-х гг. XIX в. все более значимую роль в ходе решения вопроса о Кульдже стала приобретать императорская дипломатическая миссия в Пекине, которую возглавлял на тот момент Евгений Карлович Бюцов. Он же выступал в роли информатора Санкт-Петербурга о продвижении китайской армии в Синьцзяне.

В 1876 г. Е. К. Бюцов в письме Д. А. Милютину сообщал, что китайские силы «намериваются атаковать Якуб-бека с тыла в случае удачных действий со стороны Турфана; по крайней мере, министры сказали одному из моих (сотрудников – И. Х.), что для вторжения в Турфан из Западного Ганьсу будут двигаться войска дороною прямо в Хотан» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1]. Посланник отметил, что, по полученным им географическим сведениям, дороги, соединяющей провинцию Ганьсу и Йеттишар, не существовало. С другой стороны, Цзо Цзунтан мог воспользоваться караванным трактом, который был показан на одной из русских карт: «на картах Средней Азии, изданной Главным Штабом, показана древняя дорога, пролегающая из Ганьсу в Хотан по пустой окраине Гоби» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.]. Однако несмотря на то, что указанная дорога «служила караванным трактом, это еще не доказывает, что она приспособлена для движения армии» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.]. Вне зависимости от того, какой маршрут выберет для движения китайская армия, Е. К. Бюцов не сомневался, что китайцы «напрягут все силы, чтобы

восстановить господство свое по южному склону Тянь-Шаня, и какие бы они не испытали неудачи на первых порах, они не упадут духом и возьмут терпением, вероломством и подкупом» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.].

Вариант возможного сотрудничества Якуб-бека и Китая отвергался посланником в Пекине, если только армия Йттишара не нанесла бы поражение Цзо Цзунтану и тем самым получила бы прямой выход на Китай. Правда, такое развитие событий виделось маловероятным. Е. К. Бюцов упомянул и возможное посредничество России в примирении Кашгара и Пекина [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.], но в то же время писал, что русская сторона не нуждается в подобном дипломатическом ходе, так как Якуб-бек не был способен создать что-либо «прочное» в Кашгаре, а его преемник вряд ли бы сохранил введенный кашгарским правителем порядок. Наконец, автор задался вопросом: «не согласно ли более всего с интересами нашими отказаться от одного самостоятельного магометанского соседа и приобрести вместо него китайцев, с которыми мы можем сойтись в стремлениях относительно мусульманства в Средней Азии?» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 2].

Последнее замечание показывает нацеленность России сдерживать расширение воинственных исламских настроений в центральноазиатском регионе, центром которых мог стать Кашгар. Кроме того, Якуб-бек являлся весьма непредсказуемой политической фигурой, что подтверждается его ориентацией на сотрудничество с Англией и Турцией во второй половине 70-х гг. XIX в. В то же время Китай, не смотря на все текущие противоречия с Россией, был хорошо знакомым соседом в Восточном Туркестане. Таким образом, названные Е. К. Бюцовым позиции определили курс Санкт-Петербурга на невмешательство русской стороны в процесс реконкисты Синьцзяна.

Компания Цзо Цзунтана по подчинению Йттишара продолжалась с апреля по декабрь 1877 г., когда зимой были взяты основные города дунганского государства, включая город Кашгар. В результате к началу 1878 г. практически весь Синьцзян, за исключением Илийской долины, вернулся под контроль империи Цин [Bales, p. 353–391]. Сформировалась ситуация, когда откладывание решения проблемы Илийского края уже грозило более серьезными осложнениями в русско-китайских отношениях. Обусловлено это было концентрацией китайских военных сил в Синьцзяне и ростом антирусских настроений в Пекине.

В специальной записке, составленной в ноябре 1878 г., Е. К. Бюцов изложил своеобразное резюме текущей ситуации в рамках Кульджинского вопроса и возможные пути его решения [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 25–29]. Дипломат выделил две основные точки зрения на проблему Илийского края, существовавших внутри царского правительства: 1) позицию, настаивающую на том, что Илийский край необходимо оставить в составе Российской империи; 2) мнение о необходимости возвращения занятой территории империи Цин.

Первая из названных позиций отстаивалась преимущественно Военным ведомством, которое еще с начала 70-х гг. XIX в. выступало за удержание Кульжи и Илийской долины. Аргументировалось это рядом обстоятельств. К примеру, отмечалось, что «Кульджинский край граничит с нашей стороны горным хребтом с немногими перевалами через них, представляя чрезвычайно выгодную страте-

гическую позицию, не только с точки зрения нашего положения относительно Китая, но и в связи с интересами нашими в Средней Азии» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 25]. Удержание Илийской долины за Российской империей могло быть оправдано также из соображений сохранения русского авторитета среди народов Средней Азии. Данное утверждение основывалось на том, что в глазах среднеазиатского населения передача Илийского края Китаю выглядела бы проявлением слабости со стороны России, неспособной отстоять свои интересы [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 25 об.]. Наконец, «необходимость удержания мотивируется чувством человеколюбия к населению этого края, которое в случае возвращения оного к китайцам, подвергнется поголовному вырезанию» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26]. Карательная политика Китая по отношению к населению Синьцзяна в свою очередь могла сказаться и на авторитете России в Туркестане: «какими бы глазами стали смотреть на нас подчиненные нам мусульманские народы после отдачи нами единоверцев их?» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26].

Второй из названных подходов к решению Кульджинского вопроса предполагал продолжение переговоров с Пекином и возвращение Илийской долины. Этой позиции придерживался и сам Е. К. Бюцов, апеллируя к особенностям русско-китайских политических и экономических отношений. Дипломат указывал, что «мы имеем огромную границу с Китаем от восточных границ Туркестана до Карши, и благодаря мирным сношениям с Китаем можем содержать в пределах этой области малое количество войск» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26]. Замечание Е. К. Бюцова было вполне справедливым, так как, имея самую протяженную сопредельную границу в мире, Россия и Китай никогда не вступали в военные конфликты¹, продолжая оставаться дружественными соседями. Сохранение подобного характера отношений позволяло России не уделять слишком большое внимание защите своих азиатских рубежей, концентрируя военные силы на европейской границе. Одновременно империя Цин продолжала оставаться главным внешнеэкономическим партнером России в Азии.

Удержание Кульджи шло вразрез с указанными положительными особенностями русско-китайских отношений при том, что «нет не только признаков того, что Китай готов отказаться от претензий на Илийский край, но и напротив, есть основания считать, что отказ удовлетворить их домогания в этих отношениях вызовет открытую угрозу» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 об.]. В этой связи Е. К. Бюцов рассматривал возможный вариант военного столкновения России и Китая, считая, правда, что любая попытка китайской армией силой вытеснить российских военных из Кульджи с легкостью была бы отражена. Не верил дипломат и в то, что Китай мог бы нанести удар и успешно его развивать в какой-либо другой точке русско-китайской границы [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 об.].

Однако преимущество Китая в 1878 г. виделось Е. К. Бюцову вовсе не в военной силе: «китайскому правительству нет надобности объявлять нам войну, чтобы нанести ущерб нашим интересам и поставить нас в затруднительное положение.

¹ Речь идет о крупномасштабных конфликтах, в то время как локальные инциденты, в частности осада маньчжурскими войсками Албазина в конце XVII в., имели место быть.

Оно могло бы прервать торговые сношения с нами и остановить нашу торговлю в Китае и Монголии» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 27].

Следует согласиться, что разрыв торговых отношений Китая с Россией нанес бы последний урон куда больший, чем военные победы в Центральной Азии. Российская империя в данном случае сразу лишилась бы главного торгового азиатского партнера, существенно сократив доход казны от внешней торговли. Значительными были бы последствия и для регионов Российской империи, ориентированных на торговлю с империей Цин, конкретно Восточной Сибири и Дальнего Востока: до появления Транссиба сухопутные и речные пути сообщения здесь жили практически полностью за счет китайской торговли. Огромные потери понесли бы и русские фабрики, поставляющие товар на китайские рынки и русское купечество, ведущее торговлю с Китаем. Таким образом, решительные меры со стороны китайского правительства могли более чем негативно сказаться на русской экономике в целом.

Ввиду сказанного посланник в Пекине считал, что более разумным шагом со стороны царского правительства будет возвращение Илийского края Китаю: «если домогательства наши будут удовлетворены, отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой, потеря стратегической позиции будет вознаграждена возможностью развития нашей торговли» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 28]. Под «домогательствами» подразумевались требования и условия со стороны России к Китаю за возвращение занятого края. Среди таковых должны были быть «существенные гарантии для ограждения тамошнего населения от мести китайцев» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 28 об.]. Е. К. Бюцов таким образом пытался разрешить противоречия, связанные с точкой зрения о необходимости удержания Илийской долины. И в этой же связи подчеркивается: «Что касается ущерба, который может быть нанесен нашему обаянию в Центральной Азии уступкою Кульджи, то остается еще решить, что может больше отозваться на наших интересах и что потребует от нас больше временительных мер предосторожности – среднеазиатский ущерб или последствия натянутых отношений с Китаем?» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 28 об.].

Исходя из вышесказанного, очевидно, что вопрос о дальнейшей судьбе русско-китайских отношений в Центральной Азии среди русской военной и политической элиты рассматривался весьма неоднозначно. Представители военных кругов, особенно пограничных властей, склонялись к позиции удержания Илийской долины, аргументируя это стратегическими преимуществами для русской стороны в рассматриваемом регионе и политико-социальными соображениями, связанными со степенью влияния России в азиатских частях империи. Русские дипломаты, с большим вниманием относящиеся к проблеме межгосударственных связей, считали, что Кульджу необходимо вернуть Китаю на определенных условиях, которые должны были предотвратить негативные последствия для России в центральноазиатском регионе. Сохранение дружественных отношений с Китаем в глазах дипломатов выглядело намного более значимым исходом Кульджинского вопроса, чем поддержание русского авторитета в глазах народов Центральной Азии. В целом, именно позиции, сформулированные российским МИДом и отдельными его представителями, легли в основу будущих русско-китайских переговоров.

Список литературы

- Воскресенский А. Д.* «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен. К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова : Сб. ст. М. : Наука, 1993. 392 с.
- Воскресенский А. Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М. : Памятник исторической мысли, 1995. 439 с.
- Гуревич Б. П.* История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М. : Мысль, 1982. С. 423–459.
- Дубровская Д. В.* The Xinjiang Sino-Anglo-Russian Ili crisis of 1871–1881 resolution according to some Russian archival sources // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4 (18). С. 173–176.
- Дубровская Д. В.* Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М. : Институт востоковедения РАН, 1998. 202 с.
- Зиборов Д. М.* Кульджинская кампания генерала Г. А. Колпаковского и завоевание Илийского края в 1871 г. // Клио. 2023. № 9 (201). С. 48–56.
- Исиев А. Д.* Уйгурское государство Йеттишар. М. : Наука, 1981. 90 с.
- Маланова А. В.* Восточная Сибирь в годы Илийского кризиса (1871–1881) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 5 (88). С. 251–255.
- Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 345 с.
- Почекаев Р. Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг. : между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 531–542.
- Севостьянова Е. В.* «Вот уже третий год Кульджинский вопрос водит нас за нос ...»: Россия и Китай в разрешении Илийского кризиса на страницах газеты «Восточное обозрение» // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 21–36.
- Bales W. L.* Tso Tsungtang: Soldier and statement of old China. Shanghai: Kelly and Walsh, limited. 1937. 436 p.
- Boulger D. C.* The life of Yakoob beg ameer of Kashgar. London: W. H. Allen & Co. 1978. 344 p.
- Hsu I.* The Ily crisis. A study of Sino-Russian diplomacy 1871–1881. Oxford: Oxford university press, 1965. 230 p.
- Kim H.* Holy war in China: the Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Stanford University Press, 2004. 295 p.
- Millward J. A.* Eurasian crossroad: A history of Xinjiang. New York: Colombia University Press, 2007. 250 p.

The article was submitted on 8.06.2024